

Дирижер Мишель Плассон — «Газете»

«Французская музыка подобна хрупкому цветку»

Сегодня в Большом зале Московской консерватории выступит легендарный французский дирижер Мишель Плассон. Под его управлением Большой симфонический оркестр имени Чайковского (БСО) исполнит сочинения Равеля и Дебюсси. После репетиции корреспондент «Газеты» Илья Овчинников расспросил музыканта о его предпочтениях среди французской музыки, о его работе с российскими оркестрами и о многом другом.

Маэстро Плассон, приходилось ли вам ранее работать с Большим симфоническим оркестром?

Десять лет назад я дирижировал этим оркестром на фестивале в Кольмаре. В Москву я приезжал с Дрезденским филармоническим оркестром, которым руководил несколько лет, а также работал здесь с Российским национальным.

Ваши концерты с Российским национальным оркестром (РНО) уже стали доброй традицией, в Москве вы выступали вместе три сезона подряд. Почему теперь вы изменили этому коллективу с Большим симфоническим?

Это не была измена. (Смеется.) В один из прошлых приездов мне удалось услышать БСО под управлением Владимира Федосеева, и я понял, что это замечательный оркестр. Поэтому, когда они меня пригласили, я сразу согласился: я вообще люблю дирижировать русскими оркестрами, а кроме того, люблю бывать в России и особенно в Москве.

Ощущаете ли вы какие-либо различия между РНО и БСО, особенно если говорить об интерпретации французской музыки?

Вы знаете, у всех оркестров, как правило, одни и те же проблемы. А у вас не так уж и часто играют французскую музыку, тогда как ее характер ни на что не похож, у нее свой колорит и свой стиль, она требует весьма специфического исполнительского качества. И мне странно, что вы нечасто ее играете: для меня французская музыка — дочка музыки русской, у них очень много общего.

Репертуар ваших московских программ — это почти всегда Дебюсси и Равель, тогда как вы сами не раз говорили о необходимости играть как можно больше разной французской музыки. Почему вы предпочитаете нам ее лишь под этим углом зрения?

(Смеется.) Давайте по порядку. Я тридцать лет возглавлял оркестр Капитолия Тулузы, семь лет руководил оркестром Дрезденской филармонии. С оркестром Тулузы мы сделали более ста записей, и в основном это была французская музыка: ее мало играют не только в мире, но и в самой Франции. Многие вещи мы записали впервые: это сочинения Альберика Маньяра, Андре Матье, Эммануэля Шабрие, некоторые произведения Габриэля Форе и многие другие вещи, которые никто не играет. И в работе с оркестром Тулузы для меня главным было добиться многоцветия, необходимого для нашего репертуара. Французская

музыка сложна тем, что ей особенно необходим интерпретатор. Можно неважно сыграть музыку Вагнера или Штрауса, но этим ее не убьешь, она все равно с нами всегда, хотим мы этого или нет. Французская же музыка подобна хрупкому цветку: если ее крепко сжать в руке, не останется ничего.

А с Равелем и Дебюсси все достаточно просто: меня просят играть именно их. Не то чтобы я был специалистом именно по этому периоду, хотя и люблю его. Я с удовольствием сыграл бы в Москве Берлиоза или, наоборот, современных композиторов — того же Дютийе. Но я понимаю, почему от меня ждут именно такого репертуара, ведь это квинтэссенция французской музыки! И в нашей сегодняшней программе представлены четыре абсолютных шедевра.

Может быть, стоило все же разбавить программу кем-то из более поздних авторов? В вашем репертуаре есть, например, сочинения Андре Жолливе, которого практически не исполняют в России.

А вы думаете, его музыку играют во Франции? Наша страна, увы, не проявляет особенного любопытства к своему музыкальному наследию, хотя оно поистине огромно: чего стоит один девятнадцатый век, я уже не говорю о двадцатом... Французы крайне бережно относятся к своей литературе, живописи, архитектуре, кино, но музыка остается в стороне. Если мы начнем перечислять великие имена двадцатого столетия, то никак не обойдем Артюра Онеггера, Дариуса Мийо, Жака Ибера, Франсиса Пуленка! Их музыка — это музыка счастья, она подобна живописи Ренуара и Писарро.

Вы принципиально привозите в Москву только французский репертуар?

Я — нормальный музыкант. (Улыбается.) Люблю выразительную, романтическую музыку, которая рассказывала бы о чем-то. Мне приходилось исполнять много русской музыки — это были и Чайковский, и Прокофьев, и «Борис Годунов» Мусоргского, и Римский-Корсаков, которого можно назвать музыкальным отцом Равеля, не так ли? Я записывал три малоизвестные кантаты Равеля — он трижды пытался получить Римскую премию, но безуспешно, однако кантаты остались; если вы послушаете их, то немедленно заметите влияние Римского и вспомните его «Шехеразаду». В Дрезденской филармонии мы играли много Брукнера, Брамса, Шумана... Но если в Москве от меня ждут французской музыки, я буду дирижировать ею с удоволь-

ствием. Вполне естественно, что здесь меня не просят играть Чайковского. Тем более что основу мирового репертуара составляет как раз австро-немецкая и русская музыка.

Есть ли в сфере вашего внимания какие-либо еще русские композиторы, кроме названных?

Как вы заметили, в музыке мне ближе всего период с конца XIX века до тридцатых годов XX столетия, идет ли речь о России или о Франции. Я безумно люблю все то, что звучало в антрепризе Дягилева. Из русских композиторов мне ближе всего Мусоргский, для меня это величайший музыкант; я бесконечно обожаю Чайковского, хуже понимаю Прокофьева, а Шостаковича еще хуже, хотя тоже люблю их обоих. Люблю, конечно, и Стравинского, однако это большой вопрос, считать ли его русским композитором. (Улыбается.) Вся французская музыка связана с нашей исполнительской школой, которая сейчас, к сожалению, практически исчезла. Франко-бельгийская струнная традиция заметно отличалась от русской. Раньше у каждого оркестра был свой собственный голос, теперь они стали похожи друг на друга, подобно гостинице «Хилтон»: в Шанхае она точно такая же, как в Новосибирске. Сейчас художественные руководители проводят со своими коллективами по несколько недель в году, а раньше дирижер определял лицо оркестра, выстраивал его звук и цвет: не случайно мы говорим «оркестр Караяна» или «оркестр

Мравинского». То, что происходит теперь, чревато полной потерей индивидуальности. Глобализация проникает во все сферы, даже в то, как и что мы едим. Российским оркестрам пока еще удастся сохранить свою индивидуальность, не превратиться в Вавилонскую башню.

Осталась ли еще на свете музыка, которую вы не исполняли, но хотели бы исполнить?

Да, есть еще некоторое количество записей, которые мне хотелось бы сделать. Я хотел бы записать всего Берлиоза, многие сочинения Пуленка, записать «Пеллеаса и Мелисанду» Дебюсси. Как профессионал я могу продирижировать практически чем угодно, но музыки, которая могла бы проникнуть мне в мысли и в сердце, на свете не так уж и много.

Когда-то вы играли в симфоническом оркестре на ударных, помогает ли это вам за пультом?

Безусловно, это была очень важная школа. А главное, счаст-

ливая возможность работать под управлением величайших дирижеров, таких как Андре Клюитанс, Шарль Мюнш, Игорь Маркевич, Ханс Кнаппертсбush, Пьер Монте, Карл Шурихт, Леопольд Стоковский, Леонард Бернштайн и многие другие. Работая в оркестре, ты видишь, есть ли дирижеру что сказать, живет ли он с этой музыкой в сердце, есть ли откуда ей возникнуть — или нет. Большие удачи часто бывают и у малоизвестных дирижеров. Так что я очень многому научился за эти годы.

Год назад в Зальцбурге мне посчастливилось побывать на концерте вашего великого соотечественника Жоржа Претра, отметившего свое восьмидесятилетие. Собираетесь ли вы покинуть сцену до наступления столь почтенного возраста?

Во-первых, мне еще не семьдесят. (Смеется.) Во-вторых, я надеюсь не пропустить тот момент, когда мне будет пора уйти. Ведь можно быть стариком в сорок и молодым в шестидесять пять.

От Тулузы до Дрездена

Французский дирижер Мишель Плассон родился в 1933 году в семье музыкантов. Обучался в Парижской консерватории по классу фортепиано и ударных. В США стажировался у Пьера Монте, Эриха Лайнсдорфа, Леопольда Стоковского. В 1968 году создал оркестр Капитолия Тулузы, с которым записал своеобразную антологию французской музыки; ныне — почетный руководитель этого коллектива. Руководил оркестром Дрезденской филармонии. Наряду с Жоржем Претром, Плассон — наследник великой дирижерской традиции, представленной в прошлом такими мастерами, как Пьер Монте, Шарль Мюнш, Андре Клюитанс. Выступает в Москве четвертый сезон подряд.

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

Плассон
Мишель

18.01.06